И. В. Леонов, О. В. Прокуденкова, И. В. Кириллов

Семантика военной коммуникации посредством боевой техники и поражающих элементов (сообщения между «своими» и «врагом»)*Статья 2*

Статья посвящена изучению такого явления, как коммуникации между противоборствующими сторонами в ходе войн и вооруженных конфликтов, осуществляемые при помощи надписей и изображений, которые наносили на боевую технику и поражающие элементы. Рассматриваются архетипические основания, во многом определяющие специфику указанных коммуникаций. Дается обзор развития изучаемого явления в ходе истории мировой культуры с привлечением разнообразного конкретно-исторического материала. Отдельный акцент делается на Новейшее время и анализ различных процессов, способствовавших популяризации, видоизменению и дальнейшему распространению обозначенных коммуникаций (в первую очередь речь идет о возникновении и развитии массовой культуры, новых средств тиражирования информации и т. п.). Предпринимается тематический анализ коммуникаций между «своими» и «врагом».

Ключевые слова: коммуникации, война, военная культура, история культуры, архетип, массовая культура

Ivan V. Leonov, Olga V. Prokudenkova, Igor V. Kirillov

Semantics of military communication by means of military equipment and striking elements (messages between «friends» and «enemies») *Article 2*

The article is devoted to the study of such a phenomenon as communication between opposing sides during wars and armed conflicts, carried out with the help of inscriptions and images that were applied to military equipment and striking elements. Archetypal grounds that largely determine the specifics of these communications are considered. The article provides an overview of the development of the studied phenomenon in the course of the history of world culture with the involvement of a variety of specific historical material. Special emphasis is placed on Modern times and the analysis of various processes that contributed to the popularization, modification and further dissemination of these communications (first, we are talking about the emergence and development of mass culture, new means of information replication, etc.). A thematic analysis of communications between «friends» and «enemies» is undertaken.

Keywords: communications, war, military culture, history of culture, archetype, mass culture

DOI 10.30725/2619-0303-2021-2-51-59

В предыдущей статье были рассмотрены особенности военной коммуникации посредством боевой техники и поражающих элементов, осуществляемой между «своими». Данный тип коммуникации сформировал отдельную группу в типологии изучаемого феномена, составленной на основании соотношения адресата и адресанта.

Переходя к анализу второго типа коммуникаций (между «своими» и «врагом»), необходимо указать, что он имеет довольно сложную специфику и предполагает поиск ответов на целый ряд вопросов: Какие архетипические истоки лежат в основе коммуникации с врагом при помощи надписей и изображений на военной технике и поражающих элементах? Требуется объяснения сам факт необходимости общения с врагом, отслеживаемый в большинстве вооруженных конфликтов. В чем заключаются коммуникативные особенности посланий врагу посредством надписей на военной технике и

поражающих элементах? Как реализовывались обозначенные коммуникации, взаимодействия с врагом в различных войнах? Каков тематический состав и динамика изменений сообщений врагу на советской боевой технике и поражающих элементах на примере Великой Отечественной войны?

Начать следует с того, что представленный тип обмена «сообщениями», будучи частью такого аспекта военной культуры, как разнообразные формы коммуникации воюющих сторон (включая их неформальные проявления), имеет достаточно универсальный характер и проявляется на протяжении многих веков (с учетом конкретных историко-культурных обстоятельств и технологических изменений в военном деле). В европейской военной культуре известны такие формы взаимодействия между воюющими сторонами, как общение с помощью парламентариев; обмен сообщениями при помощи стрел, несущих письменные послания; общение при

помощи транспарантов, демонстрируемых из окопов; распространение листовок, сбрасываемых с самолетов, а также распространяемых с помощью агитснарядов и агитмин; обращенная на врага трансляция через громкоговорители, через рупоры и мегафоны и т. д. [1, с. 18–26]. Одним словом, опыт истории войн показывает, что противоборствующие стороны даже в условиях современных ожесточенных войн так или иначе вступают в контакт между собой.

Достаточно устойчивой формой «общения» между воюющими сторонами являются обозначенные в заглавии формы коммуникативного взаимодействия через военную технику и поражающие элементы, ярко проявившие себя в массовых войнах XX и XXI вв., включая Великую Отечественную войну.

Рассматривая причинную сторону указанных коммуникаций, необходимо отметить, что, с одной стороны, воюющие стороны призваны отмежевываться друг от друга и уничтожать друг друга. С другой стороны, история военных конфликтов показывает, что даже в самых чрезвычайных ситуациях неприятия друг друга воюющие стороны тем не менее вступают в информационное взаимодействие. Так в контексте военной культуры существуют и реализуются исторически выработанные формы коммуникации с врагом, которые берут свое начало в глубинах веков и проявляются до наших дней.

Так что же движет бойцом или работником военного завода, который наносит ту или иную адресованную врагу надпись на боевую технику или поражающий элемент?

Анализ данного вопроса показывает, что человеком, подписывающим технику, снаряд или бомбу, движет, прежде всего, желание манифестировать свое отношение к врагу, выразить свое чувство патриотизма и направить свой гнев против неприятеля. Сущность этого явления весьма сложна для изучения и не может быть сведена к проявлению одной порождающей причины. Достаточно интересным фактором, обнаруживающим свое присутствие в указанных практиках, являются их архетипические истоки, природа которых многогранна и уходит своими корнями в давнее прошлое человечества.

Во-первых, вполне аргументированным выглядит соотнесение надписей, запечатленных военными служащими и работниками военных заводов на оружии и военной технике и адресованных врагу, с такими архетипическими культурными феноменами как заговор, порча, проклятие. С древних времен люди, охотясь или воюя, пытались усилить поражающие свойства оружия с помощью магических действий, вырванных в соответствующих заговорах и нане-

сении знаков и т. п. Стоит отметить, что данные архетипические проявления бытуют во многих культурах в буквальных или видоизмененных формах и в Новейшее время.

В данном случае (и, это, во-вторых), уместно отдельно затронуть семантическую сторону воздействия на что-либо или кого-либо посредством слова. «Заговорив» поражающий элемент или оружие либо нанеся на него определенные знаки, символы или слова, адресант верил в повышение точности и силы таких средств воздействия. Особенно ярко данные качества проявлялись в логоцентрических культурах, в том числе и в культурах христианского мира, связывающего сам факт появления мироздания с возникновением Слова («в начале было Слово»). Кроме того, уместно упомянуть такую культурную форму, как молитва. С точки зрения рационального научного подхода названные действия не влияют на степень эффективности оружия. Тем не менее их осуществление является важной составляющей практик противодействия врагу и военной культуры в целом – как минимум на психоэмоциональном уровне, что в экстремальных ситуациях имеет особое значение для человека. Посылаемые врагу проклятия, прозвучав от адресанта, в зависимости от степени проявления указанных архетипических свойств его психики могут «материализовываться» и влиять на неприятеля.

Частными случаями проявления вышеупомянутых практик в истории мировой культуры является традиция нанесения знаков, символов и эмблем на холодное оружие (наконечники стрел, гарпуны, мечи, ножи, стилеты и пр.). Во многих культурах на протяжении истории создавалось оружие, которое порой было сплошь покрыто соответствующими знаками, «усиливающими» его точность и поражающий характер. Более сложную группу рассматриваемых практик составляют традиции нанесения слов и текстов. В числе самых ранних подобных артефактов, сохранившихся до наших дней – воинские артефакты германцев (мечи, копья, наконечники стрел), самые древние из которых датированы II–VI вв. н. э.; надписи на этих артефактах означают их принадлежность («этот меч принадлежит Мару», «Дуфнал Голова Морской Собаки владеет этим мечом»); нередко указывают не только владельца меча, но и мастера, создавшего его («Аудмунд сделал меня. Аслеик владеет мною»), прославляют владельцев оружия («сияющий, известный дружинник», «неплохо известный»), заклиная оружие и соперников («лишающий врага мужества», «увеличивающий страдания», «делаю могущественным и узнаваемым», «стремящийся к цели») [2, с. 241–244].

Примечательно, что в европейских домодерновых культурах меч очень часто воспринимался его владельцем как сильнейший фетиш и оберег.

По мере христианизации Европы (когда, по Ж. Ле Гоффу, «мечи получили крещение» [3, с. 149]) на оружии появляются надписи соответствующего характера – строки из Библии, нравоучительные стихи («Господи! Чтобы я не терпел обиды, ответь за меня», «По приказу твоему, Господи», «За бога и истинную религию»), но в то же время на мечах и шпагах средневековья и Нового времени присутствуют и надписи нерелигиозного характера («Победить или умереть», «Касание этим железом смертельно»); заметим, что в средневековой Западной Европе нанесение надписей на мечи было чрезвычайно распространенной практикой: в XII–XIV вв. около 75% мечей в этом регионе были снабжены надписями [4, с. 11–12]. В качестве примера также можно привести традицию нанесения надписей на корсиканские ножи для вендетты, которая была глубоко укоренена на острове и бытовала вплоть до XX в. Одна из характерных надписей на таком ноже гласит: «Che la mia ferita sia mortale» («Пусть все твои раны будут смертельными»). Мечи и ножи с надписями бытовали и на Руси, по крайней мере с XI в. [5, с. 311]. Историк и культуролог А. А. Хлевов, описывая практики древних германцев, утверждает, что целью нанесения надписей на мечи и копья была, помимо прочего, «персонификация предмета вооружения, наделение его определенными чертами одушевленного существа», его «оживление» [2, с. 246].

Приведенные примеры показывают значимость знаково-символических воздействий человека на реальность, которые испокон веков проявляли себя практически во всех культурах. При этом архетипические истоки представлений о значимости слова как эффективного инструмента воздействия на окружающую реальность, помимо уже упомянутых магических и религиозных практик, обнаруживают себя и на рационалистических стадиях развития культуры.

Представляет интерес также практика нанесения изображений на боевую технику, которая бытовала в армиях различных государств еще в Первую мировую войну и получила чрезвычайно широкое распространение во Вторую мировую. Летчики наносили на самолеты особые знаки, обозначающие число сбитых неприятелей; в советской авиации, как правило, это были алые пятиконечные звездочки. Помимо звездочек, на советские самолеты порой наносили другие символы; тематика изображений была весьма разнообразна, но чаще всего это были рисунки зооморфного характера (лев,

тигр, леопард, белый медведь; на самолете Героя Советского Союза Л. Гальченко была изображена кошка, играющая с мышью, на самолете Н. Диденко – орел, вытащивший немецкого летчика из кабины истребителя). Некоторые изображения были явно гендерно обусловлены: на боевой машине летчицы Е. Малютиной была нарисована ласточка; на самолете другой летчицы, Л. Литвяк, по некоторым данным, была изображена лилия.

Известны случаи нанесения рисунков, подобных летчицким звездочкам и тоже обозначающих количество уничтоженной вражеской техники, на советские танки и артиллерийские орудия. Советские снайперы часто наносили отметки по числу убитых врагов на приклады винтовок, а, например, знаменитый снайпер С. Номоконов (уничтоживший, по официальным неполным данным, 360 немецких и 7 японских солдат и офицеров [6, с. 157]) делал отметки на своих курительных трубках; ныне одна из номоконовских трубок (со 159 точками и 22 крестиками) является экспонатом Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова (г. Чита).

Очевидно, эти практики можно трактовать и как выражение воинской горделивости, и как манифестацию адресанта, стремление сделать «индивидуально-определенными» и себя, и свое оружие. Показательно, что у данных практик можно найти аналоги в некоторых доиндустриальных культурах, причем относящихся к самым разным регионам планеты. Так, воины носили перья по числу убитых им врагов и у алфуров (жителей Малаккских островов и Сулавеси); и у аборигенов района мыса Худ (Австралия), и в племени мекео (Папуа – Новая Гвинея) [7, с. 356], и во многих племенах североамериканских индейцев – что указывает на архетипическую природу этих практик.

В-третьих, другим основанием, тесно связанным с природой человеческой психики, выступает эмоциональная разрядка – в частности, выплеск гнева, агрессии (порой и выражение презрения) в отношении врага, прямая коммуникация с которым затруднительна. Нередко адресант выражал свои эмоции в сообщении, которое враг непосредственно не получал и не усваивал. При этом вполне могли проявляться указанные выше архетипические практики воздействия на реальность посредством слова, даже если они не были отрефлексированы человеком, отправляющим послание врагу. Примерами могут служить артиллерийские снаряды, бомбы и торпеды с надписями «Гитлеру», «Tirpitz it's yours» (англ. «Тирпиц, он твой»), «Смерть самураям» и т. п.

В-четвертых, еще одним архетипическим свойством рассматриваемых коммуникаций является то, что они выражают позицию «сильного» – сильного не только в том смысле, что он обладает объективно большим материальным и, в частности, военным потенциалом. Нередко основу данной позиции составляет ощущение собственного превосходства, легитимности, правоты. Этот аспект существенным образом влияет на характер посланий между воюющими сторонами, которым несвойственно проявление «слабости». Зачастую послания, адресованные противнику, преисполнены бравады, боевого задора и уверенности в победе над неприятелем. Характерным примером такого послания является легендарное оскорбительное письмо запорожцев турецкому султану [8, с. 684–685] – момент создания этого письма запечатлен на знаменитой картине И. Е. Репина.

Достаточно известным примером проявления указанного фактора общения с врагом (хотя и несколько отстраненным от основной темы статьи) является знаменитое послание Святослава к врагам: «Иду на вы» («И посылаше къ странамъ, глаголя: „Хочю на вы ити“» [8, с. 48]). В рассматриваемом примере довольно отчетливо проявляет себя такое свойство общения с врагом, как демонстрация отсутствия страха перед ним. С известной долей условности можно сказать, что сам факт общения выстраивает, как минимум, диспозицию равенства адресанта с противоборствующей стороной либо превосходства над ней. Среди надписей на советских танках и самолетах периода Великой Отечественной войны есть множество примеров проявления удачи, задора, воинской неустрашимости («Беспощадный», «Забияка», «Истребитель», «Гроза фашистов М. Д. Баранов»). Известны также примеры нанесения подобных надписей на подбитую немецкую технику («Эту гадину взорвал герой Иванов» и т. д.). Надписи такого типа чрезвычайно устойчивы в культуре, они фиксируются еще на мечах эпохи викингов. А. А. Хлепов отмечает: «Проследивается удивительно упорное и настойчивое стремление пометить оружие с использованием чрезвычайно экспрессивных эпитетов, совершенно недвусмысленно подчеркивающих агрессивный и активный либо, реже, оборонительный характер предмета вооружения. „Стремящийся к цели“, „Яростный“, „Проникающий“ – трудно представить более подходящие имена для копий или мечей» [2, с. 246].

Что касается изучения такого явления? как сам факт необходимости общения с врагом, то следует отметить, что сама война, какой бы она ни была, представляет собой определенную

форму межкультурного взаимодействия, включая проявления межкультурных коммуникаций [9, с. 8]. Без обмена сообщениями с врагом войны представить крайне трудно. Враг, который нередко презирается и само право которого на существование порой отрицается, в силу многих причин (как минимум, из-за практической необходимости) становится объектом коммуникации. Среди знаковых памятников русской культуры присутствуют послания царя Ивана Грозного к другим монархам и иным военным и государственным деятелям, с которыми он находился в конфронтации: послания шведскому королю Юхану III [10, с. 144–147, 148–161], польскому королю Стефану Баторию [10, с. 213–238], переписки Ивана Грозного с князем А. Курбским [8, с. 467–471; 10, с. 385–388], турецким султаном [8, с. 509–515] и уже упоминавшееся выше письмо запорожцев турецкому султану; два последних текста считаются легендарными, но показателен сам факт их появления и бытования в культуре, равно как и сцены общения воинов с соперниками, присущие русских былинам и многим западноевропейским фольклорным текстам: сильные соперники должны были общаться, вступать в коммуникацию. Хрестоматийной стала история о том, как перед началом битвы при Фонтенуа (1745 г.) офицеры противостоящих друг другу французской и британской армий вежливо обсуждали, кто должен стрелять первым, причем обе стороны, соблюдая галантность, стремились уступить это право. Й. Хейзинга писал: «Обычай, проистекающий из отношения к войне как к благородной честной игре и время от времени проявляющийся даже в условиях нынешнего, абсолютно бесчеловечного ведения войн, это обмен любезностями с неприятелем.

Определенный элемент сатиры, позволяющий с еще большей уверенностью говорить об игровом характере этого обычая, порой оказывается здесь не лишним. В китайских феодальных войнах противнику посылают кувшин вина, который торжественно выпивается в память о свидетельствах поддержания чести в былое мирное время. Приветствуют друг друга, всячески выражая почтительность, обмениваются подарками и оружием на манер Главка и Диомеда. <...> Порой враги дают насмешливые и оскорбительные советы. В распре между Цинем и Чжоу воин одного из них с докучным терпением показывает другому, как вытаскивать из грязи колесницу, и получает в награду: „Мы же не привыкли обращаться в бегство, как вы“. Около 1400 г. некий граф Фирнебург объявляет сражение городу Аахену в определенный день и в определенном месте, советуя тотчас же доста-

вить туда из Гюлика тамошнего дроста, виновника означенной ссоры» [11, с. 144–145]. В книге Й. Хейзинги «Homo Ludens» приведены и иные примеры общения воюющих сторон, перечень которых можно расширить, например, данными о богатырских поединках, предварявших сражения и порой позволявших решить их исход, тем самым избежав массового кровопролития.

История содержит массу примеров налаживания коммуникации между противниками; впоследствии на основе этих коммуникаций появились некоторые писанные, а также неписанные правовые нормы – появился, к примеру, институт парламентаров (показательно, что во многих современных культурах осуждаются нападения, если при этом предварительная коммуникация не осуществляется – нападения, происходящие «вероломно, без объявления войны»). Зачастую факт нарушения этих норм свидетельствует о «нелегитимности» врага; на коммуникации с таким врагом бывают жесткие ограничения (пример – ограничения на коммуникации с гитлеровской Германией, установленные Декларацией Объединенных Наций в 1942 г.).

Отвечая на вопрос, в чем заключаются коммуникативные особенности посланий врагу посредством военной техники и поражающих элементов, необходимо указать, что подобные сообщения имеют ряд специфических сторон, во многом обусловленных формой носителей сообщений; часть из них была раскрыта в предшествующей статье. В данной статье уместно добавить, что послания на бомбах и снарядах в силу технологических особенностей этих поражающих элементов хоть и не могли быть прочитаны последним (авторам неизвестно ни одного случая «доставки» неразорвавшейся бомбы или снаряда с надписью), но акт коммуникации «в сторону неприятеля» все же реализовывался, – сообщение буквально долетало до адресата. Показательно, что на снарядах и бомбах нередко писали не только географические пункты назначения (иногда с точностью до отдельного здания – «В рейхстаг»), но и имя получателя – «Easter eggs for Hitler» (англ. «Пасхальные яйца для Гитлера») и т. п. В свою очередь, нанесенные надписи на боевом оружии и военной технике также направлялись и «двигались» в сторону адресата, но «лично в руки» к неприятелю они попадали не всегда. Соответственно, многие надписи на боеприпасах – а именно, те из них, которые были растиражированы и стали достоянием общечеловечности, – отражают факт непосредственной «доставки». Кроме того, можно отметить, что данные надписи были более экспрессивными, чем большинство надписей на боевой технике.

Распространение и усиление значимости данных коммуникаций напрямую связано с развитием средств массовой информации в первой половине XX в., что определило возможность массового тиражирования данных сообщений и трансляции их на небывало широкую аудиторию, включая и своих, и неприятеля. Эти практики стали одним из средств осуществления пропаганды и информационных войн. При этом природа новых информационных коммуникаций во многом определяет содержание рассматриваемых посланий и образов, что вполне сообразно концепции М. Маклюэна относительно соответствия средств коммуникации и той информации, которая в них фигурирует. В данном случае показательно, что изучаемые надписи (получив импульс к развитию, в первую очередь, вследствие развития фотографии, кинематографа и периодической печати), могли наноситься исключительно в агитационных целях – именно для их тиражирования. Порой «жизнь» надписи на снаряде не была долгой, в отличие от ее бытования в медиапространстве. Равно как и надпись на боевой технике, способная пережить носитель или бытовать параллельно с ним, становясь достоянием широкой аудитории. Сама возможность тиражирования образа могла «создавать почву» для появления оригинала.

Переходя к вопросу, как реализовывались обозначенные коммуникации, взаимодействия с врагом в различных войнах, необходимо указать, что формы, которые принимает общение между воюющими сторонами, во многом являются культурно-обусловленными. Так генерал А. И. Деникин, который во время Первой мировой войны командовал 4-й стрелковой дивизией, описывает случай, произошедший в 1916 г. в Карпатах: «у Киселина, во время жестоких боев выяснилось, что с нами дерется знаменитая “Стальная” германская дивизия. 4 дня немцы засыпали нас тысячами снарядов, много раз переходили в атаки, неизменно отбиваемые. И однажды утром перед их позицией появился плакат „Ваше русское железо не хуже нашей германской стали, а все же мы вас разобьем“.

„А ну, попробуй!“ – гласил короткий ответ моих стрелков.

20 июня, после 42-й атаки, „Стальную“ дивизию, ввиду больших потерь, отвели в резерв» [12, с. 332–333]. Очевидно, такого рода коммуникации были практически невозможны в домодерновый период, когда подавляющая часть солдат была неграмотной.

Представляет интерес также рассказ об «обмене любезностями», который практиковали летчики в первую мировую войну: «На второй день после похорон сбитого немецко-

го летчика – лейтенанта Шольца – фотоснимки места падения самолета и похорон с сопроводительным письмом, где говорилось о том, что погибшему были оказаны воинские почести, были сброшены с самолета на немецкий аэродром. Такое „рыцарство“ практиковалось в годы Первой мировой войны летчиками всех воевавших сторон. Немцы сообщали нам о наших погибших, а на западноевропейском театре военных действий – французы немцам и немцы французам и англичанам. Даже в гражданскую войну эта традиция некоторое время еще продолжала соблюдаться...» [13, с. 436]. В данном случае мы видим проявление культурных практик, характерных для периода, предшествовавшего модернизации. Уже во Вторую мировую войну такого рода практики проявлялись редко; показательно (хотя и несколько спорно) мнение Й. Хейзинги о принципиально новом характере войн XX в: «теория „тотальной войны“ полностью отказывается от последних остатков культурной, и тем самым игровой, функции войны» [11, с. 134]. Тем не менее коммуникации между противоборствующими сторонами продолжили свое бытование, видоизменившись согласно новым условиям ведения войн.

В русской дореволюционной армии и в белых армиях периода Гражданской войны аэропланы, бронеавтомобили и бронепоезда носили имена собственные и имели соответствующие надписи («За единую Россию», «Калита»); аналогичная практика имела место и в Красной армии в Гражданскую войну, и в 1920-е гг. – так, первые танки, изготовленные в Советской России на заводе «Красное Сормово», имели названия «Борец за свободу товарищ Ленин» и «Борец за свободу товарищ Троцкий». Известны случаи (и на белой, и на красной сторонах), когда бронепоезда и бронеавтомобили называли в честь знаменитых военных деятелей – как живых («Полупановцы», «Товарищ Артем»), так и покойных («Полковник Туцевич»). Представляет также интерес фотография аэроплана Р-1 из состава 19-го отдельного авиационного отряда ВВС РККА, на борту которого был изображен кулак и решительная надпись: «НН-А!»; этот самолет принимал участие в боевых действиях на КВЖД в 1929 г.

Аналогичные практики в 1910–1920-х гг. имели место и в армиях западноевропейских государств. Показательными примерами в данном случае являются английский танк Mark IV с именем «Черная Бесс» и другие британские танки 1916–1918 гг., названия которых оказывали определенное влияние и на немецкую сторону. (Среди целей именования военной техники и нанесения на нее иных надписей – поддерживать

боевое настроение внутри одной из воюющих сторон, а также производить устрашающий эффект на другую сторону; в указанном случае мы имеем дело с надписью, при нанесении которой явно преследовали такие цели.)

Во второй половине 1920-х – начале 1930 х гг. личностные названия и надписи с советских самолетов и танков постепенно исчезли. Исключение составляли тяжелые танки, которые использовали на парадах в Москве и Ленинграде; так, один из танков «Т-28» назывался «Киров», а другой – «Сталин»; также можно упомянуть, что известный советский авиационный военачальник И. У. Павлов летал на самолете с надписью «За ВКП (б)!».

С началом Великой Отечественной войны сама ситуация ведения войн и принципов коммуникации с врагом во многом изменилась. Советская страна столкнулась с противником, непохожим по своей силе и техническим возможностям, целям и изуверству методов ведения войны и обращения с мирным населением на противников, с которыми она ранее имела дело. Война нового типа обусловила возникновение новых форм коммуникации между противоборствующими сторонами, а также более широкое распространение некоторых практик, которые во время предшествующих войн только зарождались, в частности практик нанесения надписей на боевую технику, бомбы и снаряды. Спустя несколько месяцев после начала войны на советских танках, самолетах и иной технике начинают появляться надписи политико-идеологического, а потом и личностного характера. Явление приобретает воистину массовый размах. Тем не менее оно никогда не было официально регламентировано, официальный контроль над ним не был излишне строгим. При этом имеется большое количество надежно атрибутированных фотографий, которые позволяют отслеживать динамику тематических изменений, включая семантическую нагрузку соответствующих надписей и образов, масштабы их распространения и степень их влияния на советское общество.

Тот факт, что во Вторую мировую войну существовала (прежде всего, в Вермахте) практика нанесения надписей на военные трофеи, тоже заслуживает внимания. Так существует фотография немецкого танкиста, позирующего у советского танка KB-1, подбитого в августе 1941 г. возле деревни Большой Сабск в Ленинградской обл.; на кормовом листе танка сделана надпись: «Panzer Russki bei Sabks Luga-Brückenkopf 13.8.41 Werner Hans» (нем. «Танк русский под Сабском, Лужский плацдарм 13.8.41 Вернер Ханс»). Также существует фотография захваченного немцами

танка KB-2; на его башню нанесена надпись «2./Regiment General Göring. Unserem Führer gestiftet! Dubno, 29.6.41» (нем. «2-й полк. Генерал Геринг. Нашему фюреру подарено! Дубно, 29.6.41»), а рядом с ней отчетливо видна надпись: «Heil Hitler! Слава Україні!». Имеется также фотография подбитого танка T-35 с надписью: «Слава Степанові Бандері!» (во всех случаях сохранена орфография подлинников). Подобным образом оккупанты и их пособники выражали свои восторги.

Известны случаи, когда советская военная техника с нанесенными надписями в послевоенный период становилась объектами музеефикации. Такова, например, судьба танка Т-34-85 «Мать-Родина»: в послевоенные десятилетия танк стоял на постаменте в г. Эберсвальде (ГДР), а после вывода российских войск из Германии этот памятник был перенесен в Саратов. (Любопытно, что у памятника есть копия: другой танк Т-34-85 с надписью «Мать-Родина» в 2003 г. был установлен на постамент в подмосковных Котельниках.)

Также показательны многочисленные примеры нанесения советскими и российскими солдатами надписей на военную технику во время войны в Афганистане и в ходе постсоветских локальных конфликтов; подобные практики бытовали также у приднестровских ополченцев в 1992 г. и в донбасских вооруженных формированиях с 2014 г. по н. в. В 2015 г. российская авиация сбрасывала на позиции боевиков в Сирии бомбы с надписями «За наших» и «За Париж» (незадолго до этого в Париже произошел террористический акт); известны случаи, когда в современной Российской армии надписи на поражающие элементы наносились и в мирное время. Существует также сделанная в 2017 г. фотография БМП VBCI французского Иностранного легиона – на бронемашине сделана надпись «На Берлин» (на русском языке). Перечисленные примеры показывают, что практика нанесения надписей на военную технику и поражающие элементы оказалась весьма устойчивой и бытует и в настоящее время. Такие практики в настоящее время свойственны не только носителям российской культуры – надписи на бомбы и снаряды наносили, к примеру, американские военнослужащие во время югославской кампании 1999 г. и израильские во время операции «Облачный столп» (ноябрь 2012 г.).

Практика нанесения надписей на военную технику находит свое отражение в самых разных отраслях современной массовой культуры: так в популярнейшей компьютерной игре «World of Tanks» участники могут делать надписи на своих боевых машинах, причем разработчики

подошли к данному вопросу весьма ответственно – предлагаемые для нанесения надписи исторически достоверны (по крайней мере, те из них, которые можно наносить на советскую бронетехнику). Специфическими порождениями данной практики можно считать широко распространившиеся в 2010-х гг. в РФ наклейки с надписью «На Берлин!» и т. п., которые часто можно увидеть на автомобилях.

И в завершении рассмотрим тематический состав и динамику изменений сообщений врагу на советской боевой технике и поражающих элементах на примере Второй мировой войны, затрагивая аналогичные практики союзников. При этом необходимо учитывать рассмотренный в первой статье фактор «размытости» границ и сопряженности многих тем, которые могли восприниматься как своими, так и врагом – при явной доминанте сообщений, направленных своим. Изучая фактографический материал, содержащий те или иные надписи и образы, которые наносили на советскую военную технику и боеприпасы, можно выделить несколько устойчивых групп, фиксируемых по принципу их тематического ранжирования (опять же, с учетом смешанного характера многих тем и исключения некоторых тематических примеров, имеющих направленность, в том числе, и на врага, однако уже рассмотренных в предыдущей статье).

В первую очередь, необходимо отметить тему проклятий и брани в адрес врага, имеющую достаточно высокую степень архетипической подкрепленности («Смерть немецким оккупантам», «Бей фашистскую гадину» и т. п.)

Во-вторых, следует указать тему намерений и угроз мести в адрес врага; в качестве примера можно назвать самолет «Мсть Бариновых», построенный на пожертвования одноименной ленинградской семьи: мать и дочь Бариновы передали все свои сбережения на строительство самолета и выразили пожелание, чтобы на нем была сделана озвученная надпись, что и было воплощено [14].

В-третьих, выделяется тема указания от правителя и получателя: «Гитлеру», «Гейбельсу», «В Берлин», «Гитлеру от Кейт» и т. п.

В-четвертых, отдельную тематическую группу составляют, условно говоря, «фольклорные» надписи, адресованные неприятелю (носителями которых были преимущественно поражающие элементы): «Новогодний подарок Гитлеру» и т. п. Подобные сообщения с самого начала войны часто наносили английские и американские военнослужащие: «Happy Easter Adolf» (англ. «Счастливой пасхи, Адольф»), «Have you heard this? – It'll kill ya» (англ. «Слышал это? Она убьет тебя»).

В-пятых, следует указать тему «подытоживающих» надписей. Имеется фотография советской САУ с надписями «Мы русские, мы победили». Представляют интерес фотографии военной техники с надписями, отражающими боевой путь частей и соединений («Проскуров – Сандомир») и переиначенной цитаты из известной речи В. М. Молотова, произнесенной 22 июня 1941 г.: «Наше дело правое, мы победили!». В экспозиции петербургского Военно-артиллерийского музея представлена 76-мм пушка ЗИС-3, которая с боями прошла от Курска до Берлина. На щите содержится сделанная уже после Победы надпись: «Эта пушка прошла с боями 6204 км. <...> Уничтожено: танков 33, самоход. орудий 21, автомашин 74, самолет. на аэродр. 5, орудий 14, минометов 17 <...> гитлеровцев 752».

Представляет интерес практика нанесения надписей на стенах вагонов, в которых демобилизованные воины возвращались на Родину: «До свиданья, за граница, мне давно Россия снится!».

Наконец, вполне просматривается динамика тематического изменения коммуникации с неприятелем на советской военной технике на протяжении Великой Отечественной войны. До войны, как уже сказано было выше, надписей практически не было (отчасти это было обусловлено тем, что в мирное время армейский быт регламентируется существенно жестче, чем в военное время, а воинские уставы не предписывали наносить надписи на танки и самолеты). Военнослужащие Красной армии начинают наносить надписи на военную технику с первых месяцев войны; уже на фотографиях, относящихся к зиме 1941–1942 гг., надписей на технике довольно много, а с течением времени их становилось все больше.

Если в самом начале войны очень многие надписи прямо коррелировали с официальными пропагандистскими установками («За Сталина!», «За Кирова!» и т. п.), то в дальнейшем их содержание становилось более «неформальным», обретая все более личный характер. Специфика надписей, как уже было отмечено выше, отражала изменения, которые происходили в советской культуре: корректировку отношения к предыдущим периодам российской истории (танк «Козьма Минин» и т. п.), реабилитацию некоторых общественных групп (танк «Донской казак») и т. д.

Общая логика движения тематических доминант выражена в том, что первые две темы (проклятий и брани в адрес врага; намерений и угроз мести в адрес врага) получили распространение раньше, а последние три, нередко содержащие браваду, фольклорные аспекты и

чувство победителя (указания отправителя и получателя; «фольклорные» надписи, обращенные в адрес неприятеля (носителями которых были преимущественно поражающие элементы); «подытоживающие» надписи) несколько позже, с началом коренного перелома во Второй мировой войне.

Таким образом, рассмотренный тип коммуникации представляет собой достаточно устойчивый феномен военной культуры, имеющий долгую историю и соответствующие конкретизации. Кроме того, он связан с более сложными формами коммуникации, объединяющими в себе сообщения внутри определенной культуры с их экстраполяцией на восприятие противоположающей стороной. Его генезис во многом определяется спецификой различных культур, уровнем развития военной техники, сферы коммуникаций и другими факторами. Данный тип коммуникации имеет достаточно сильную укорененность в архетипической сфере, а также устойчивые тематические доминанты. Также широк спектр функциональных особенностей рассмотренных коммуникаций: от официально-пропагандистских и мобилизующих до личностных психоэмоциональных актов, имеющих компенсаторную природу. Дальнейшее изучение рассмотренного феномена военной культуры представляется достаточно перспективным и познавательным.

Список литературы

1. Мощанский И. Б. Информационная война: органы спецпропаганды Красной армии. М.: Вече, 2010. 384 с.
2. Хлезов А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. СПб.: Евразия, 2002. 335 с.
3. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб.: Александрия, 2008. 398 с.
4. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л.: Наука. [Ленингр. отд.-ние], 1966. Вып. 1: Мечи и сабли. IX–XIII вв. 176 с.
5. Михеев С. М. О двух древнерусских надписях из Белоруссии и Польши // Slověne. 2015. № 1. С. 311–322.
6. Зарубин С. М. Трубка снайпера. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 208 с.
7. Дэйви М. Эволюция войн. М.: Центрполиграф, 2009. 382 с.
8. Изборник: сб. произведений лит. Древней Руси / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1969. 799 с.
9. Артановский С. Н. На перекрестке идей и цивилизаций: ист. формы общения народов: мировые культ. контакты, многонац. государство. СПб.: СПбГАК, 1994. 224 с.
10. Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье; ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 716 с.

11. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

12. Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 384 с.

13. Бурче Е. Ф. Иван Павлов // Герои гражданской войны. М.: Молодая гвардия, 1963. С. 429–457.

14. Послянова А. «Мсть Бариновых»: В войну предки семьи из Петербурга на последние деньги построили военный самолет // Комсомольская правда. 2017. 8 мая. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26676.7/3698659/> (дата обращения: 24.07.2020).

References

1. Moschanskiy I. B. Information war: special propaganda agencies of the red Army. M.: Veche, 2010. 384 (in Russ.).

2. Hlevov A. A. Harbingers of the Vikings. Northern Europe in the I–VIII centuries. SPb.: Eurasia, 2002. 335 (in Russ.).

3. Le Goff J. The Birth of Europe. SPb.:Alexandria, 2008. 398 (in Russ.).

4. Kirpichnikov A.N. Ancient Russian weapons. M.; L.: Nauka [Leningrad dep.], 1966. 1: Swords and sabers. IX–XIII centuries, 176 (in Russ.).

5. Mikheev S.M. On two old Russian inscriptions from Belarus and Poland. Slověne. 2015. 1, 311–322 (in Russ.).

6. Zarubin S. M. Sniper tube. Irkutsk: East-Siberian bk. publ. house, 1967. 208 (in Russ.).

7. Davey M. The evolution of war. M.: Tsentrpoligraf, 2009. 382 (in Russ.).

8. Dmitriev L. A. (ed., comp.); Likhachev D. S. (ed., comp.). Izbornik: coll. of works of lit. of Ancient Russia. M.: Khudozh. lit., 1969. 799 (in Russ.).

9. Artanovsky S. N. At the crossroads of ideas and civilizations: Historical forms of communication between peoples: world cultural contacts, multinational state. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State Acad. of Culture, 1994. 224 (in Russ.).

10. Likhachev D. S. (comp.), Lurie Ya. S. (comp.); Adrianova-Peretz V. P. (ed.). Messages from Ivan the Terrible. M.; L.: Publ. house of the Acad. of Sciences of the USSR, 1951. 716 (in Russ.).

11. Huizinga J. Homo Ludens. A person playing. SPb.: Publ. house of Ivan Limbach, 2011. 416 (in Russ.).

12. Denikin A. I. The path of the Russian officer. New York: Chekhov Publ. house, 1953. 384 (in Russ.).

13. Burche E. F. Ivan Pavlov. Heroes of the Civil War. M.: Molodaya gvardiya, 1963. 429–457 (in Russ.).

14. Poslyanova A. «Revenge of the Barinovs»: during the war, the ancestors of the family from St. Petersburg built a military plane with their last money. Komsomolskaya pravda. 2017. May 8. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26676.7/3698659/> (accessed: Jul.24.2020) (in Russ.).